

УДК 327

РОССИЯ И ЯПОНИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ

© 2024 **НОСОВ Михаил Григорьевич**
Член-корреспондент РАН
Институт Европы Российской академии наук
125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3
E-mail: mikhailnosov@mail.ru

Поступила в редакцию 13.11.2023
После доработки 23.11.2023
Принята к публикации 25.12.2023

Аннотация. До открытия Японии в 1853 г. отношения России и Японии, а точнее их отсутствие, определялись в первую очередь политикой последней. Япония закрыла страну для посещения иностранцами, сделав исключение для голландцев и китайцев. Значительную роль в отношениях двух стран играли представления друг о друге, формировавшиеся в условиях противостояния российскому стремлению установить торговые отношения с соседней страной. В России существовало несколько источников знаний о Японии. Прежде всего к ним относились сведения из европейских и китайских книг. Информация от японцев, попавших в Россию начиная с XVII в., не представляла большого интереса. В основном это были моряки и рыбаки, которые не располагали важными для русских знаниями. Кроме того, несмотря на усилия Петра I по подготовке переводчиков с японского языка, их уровень знаний не всегда был на высоте. Исключением можно считать сведения о Японии, полученные от Дайкоку Кодаю за время его пребывания в России с 1787 по 1791 гг. Однако в отличие от Японии, в которой знания о России тщательно собирались и документировались, рассказы Кодаю не стали основой систематизированного изучения соседней страны.

Ключевые слова: Россия, Япония, Сахалин, Курильские острова, взаимные представления

DOI: 10.31857/S0201708324010133

Япония получала знания о России от китайцев, португальцев, голландцев, а также самих японцев, побывавших в ней в результате кораблекрушения. Особенно стоит отметить Дайкоку Кодаю. Он подробно рассказал сёгуну Иэнари и его советникам о России. Эта информация вместе с другими сведениями была систематизирована и засекречена на долгие годы.

Россия стремилась установить контакты и торговые отношения с Японией для укрепления позиций на Дальнем Востоке. Япония, со своей стороны, в начале XVII в. закрыла страну от иностранцев и разрешила торговлю только с Нидерландами, Китаем и Кореей. Это в значительной степени осложнило перспективы установления отношений с Россией. Тем не менее географическое соседство неизбежно порождает контакты, что, с одной стороны, расширяло знания, с другой – приводило к конфликтам. Освоение Дальнего Востока предусматривало присоединение Курильских островов к России. Самый северный из них – Шумшу – находится в 12 км от камчатского мыса Лопатка. Однако самый южный остров Зелёный и Хоккайдо разделены проливом Измены шириной около 20 км, что в представлении японцев давало основание Японии, проводившей колонизацию Хоккайдо, претендовать на Курильские острова и Сахалин. В первую очередь конфликты были обусловлены неопределенностью территорий. Сахалин и Курильские острова в силу их малонаселенности до середины XIX в. находились фактически в общем хозяйственном пользовании России и Японии, поскольку, по словам А.П. Чехова, посетившего в 1890 г. Сахалин, «ни те, ни другие не считали остров своим»¹. При этом обе стороны декларировали претензии на территории.

Несмотря на постоянные попытки России установить торговые связи с Японией, последняя оставалась закрытой страной. Это обусловило формирование образов друг друга. Россия воспринимала Японию как географически близкую страну, способную стать участником экономического развития Дальнего Востока. Япония считала Московию далекой европейской страной, чье появление на соседней территории может стать угрозой.

Почти два века накопления знаний друг о друге и опыт редкого общения японцев и русских меняли эти представления. На них влияли как готовность к более близкому знакомству, так и рост отчужденности. К 1853 г., когда Япония отказалась от международной изоляции, обе стороны смогли накопить достаточный уровень взаимопонимания, позволившего не только установить дипломатические отношения, но и урегулировать территориальные вопросы. Проблема вновь проявилась после окончания Второй мировой войны и до сегодняшнего дня не решена.

Формирование образа России в Японии

Знакомство японцев с Россией началось с недоразумения. Японцы не слишком ясно представляли географию России и ее людей, но им были хорошо известны кожи под названием «москобия», попадавшие в Японию через Европу и Китай. Как

¹ Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. 1889–1895. Москва. Наука. 1978. С. 225.

писал японский ученый Отцуки Гентаку, «с давних времен западные корабли привозили в Японию кожи из России и у людей они получили название “москобия”. Поэтому, многие считали, что это было название изделий из кожи, а не географическое название»¹. Позже, когда японский ученый Кудо Хэйсукэ (1734–1800) встретил русских на Курилах, он не мог понять, откуда они прибыли, т. к. знал только страну Московию.

Вероятно, первые знания о России японцы получили от китайцев, знавших о стране начиная с XIII в. В это время в Китае находился венецианский купец Марко Поло (1254–1354), чья «Книга о разнообразии мира» содержит сведения о Японии и России. О последней, в частности, говорилось, что «Россия большая страна на севере. Живут тут христиане греческого исповедания. Тут много царей и свой собственный язык; народ простодушный и очень красивый» [Поло, 2015: 266].

С середины XVI в. японцы получали информацию о России от европейцев. Они имели ряд надежных и постоянно пополняемых источников информации о Европе в целом и о России в частности. Ими были Китай, затем Португалия и Нидерланды, чьи корабли регулярно появлялись в Нагасаки. Китайские книги по географии переводились на японский, а капитаны голландских кораблей и руководители фактории Дэсима регулярно отправляли в сёгунат сообщения о происходящем в мире. Японцы сумели создать квалифицированный отряд переводчиков с голландского языка, что значительно расширило объем знаний о Европе и России.

В 1645 г. в Нагасаки напечатана карта мира с картинками жителей различных стран. На них были изображения китайцев, корейцев, жителей Юго-Восточной Азии, португальцев, англичан и голландцев. Россия называлась Московией, а на карте были изображены мужчины и женщины в русских национальных костюмах. Описание страны содержало перечень производимых там товаров.

Непосредственные впечатления очевидцев получали от японцев, попавших в Россию по воле морской стихии и возвращенных российским правительством на родину в качестве жеста доброй воли и повода установить отношения. Первыми из них были капитан корабля «Камиясу-мару» Дайкокуя Кодаю и матрос Исокити, вернувшиеся на родину в 1792 г. с экспедицией Адама Лаксмана после 5 лет пребывания в России. Итогом рассказов стало появление рукописи «Хокуса монряку» (Краткие вести о скитаниях в северных водах), подготовленной врачом и историком Кацурагава Хосю (1751–1809). В работу вошли не только рассказы вернувшихся на родину японцев, но и материалы из других источников. Кацурагава по поручению сёгуна Токугава Иэнари, написал на основе голландских сообщений доклад «Оросия рякки» (Краткие записки о России), дополнивший показания Кодаю. Всего на основе показаний моряков и голландских материалов было подготовлено 9 различных рукописей о России².

¹ Otsuki G. (1972) Hokuhen tanji (Explanations on the Northern Periphery). Hokumon soshō. Vol. 6. Tokyo. Kokusho Kankokai. 1972. P. 217.

² Константинов В.М. «Оросиякоку суймудан» как памятник ранних русско-японских отношений. Оросиякоку суймудан (Сны о России). Под ред. Н.И. Конрада. Москва. Наука. 1961. С. 19.

Во время аудиенции у сёгуна Кодаю и Исокити задали 27 вопросов. Наиболее важными были рассказы о событиях, предшествовавших возвращению на родину, отношении японцев к России, причинах возвращения в Японию. Говоря об отношении к России, Кодаю высказал весьма сдержанную благодарность, а о своем возвращении сказал только о тоске по родине и семье. Сёгун задал вопросы о пожарах, городских часах со звоном, наличии в стране верблюдов и диких гусей, статуе Петра I в Санкт-Петербурге, курении и уличном движении. Также распросы касались выдувания стекла, изготовления дегтя и сукна, работы мельниц. На вопрос о владении русским языком Кодаю ответил, что «мы только с трудом понимаем то, что слышим, – лишь какую-нибудь десятитысячную часть, и в случае чего переводчиками никак не можем быть. Мы были совсем беспомощны, так как знали язык лишь настолько, чтобы не замерзнуть и не умереть с голоду».

На вопрос о получении каких-либо заданий от русских, Кодаю ответил, что «при возвращении на родину один сановник, которого можно назвать родзю (сановник высокого ранга), сказал нам так: во всем мире нет почти ни одной страны, которая не вела бы торговлю с нашим государством, только с Японией у нас нет связи. И теперь, отправляя вас на родину, мы хотели бы таким путем завязать торговые отношения. Но это не значит, что мы хотим навязывать вам свое желание, – настойчиво пояснял он. Однако мне кажется, что он говорил так не по распоряжению, полученному от императрицы, а по своему собственному разумению». На вопрос «знают ли и в той стране о Японии?» Кодаю уверенно ответил: «Хорошо знают о чем угодно. Мы там видели книги, в которых подробно написана правда о Японии, а также видели географические карты Японии» [Новаковский, 1918: 65]. Кодаю преувеличил свою осведомленность, поскольку читать книги о Японии, изданные на русском языке, он не мог.

Дальнейшая судьба Кодаю и Исокити сложилась благополучно. Им не позволили жить в том месте, откуда они были родом, но поселили недалеко от дворца около аптекарского огорода с лекарственными травами. Им было разрешено «вызвать к себе жен и детей и жить безмятежно». Кодаю и Исокити получили довольно солидную пенсию: первый – 3 рё в месяц, второй – 2 рё¹. Их не обременяли работой и пытались оградить от общения с внешним миром. В распоряжении относительно правил поведения говорилось, что «необходимо принять меры к тому, чтобы они попусту не рассказывали о том, что видели в чужих странах», однако Кодаю, живший в Эдо, был очень популярен среди японских европейцев *рангакуся*, часто посещавших его².

После возвращения на родину Кодаю прожил 35 лет. Он умер в 1828 г. в возрасте 77 лет. Поскольку Кодаю был единственным человеком в Японии, знающим русский язык, его знания были использованы правительством и учеными. Кодаю разрешили вызвать в Эдо жену, у него были дочь и сын. Сын Камэдзиро стал ученым *кангакуся*, т. е. китайской школы, и был известен под именем Дайкоку Байин.

¹ На одно рё в эпоху Токугава можно было купить 180 кг риса, или 43 литра сакэ, или 30 тунцов.

² Константинов В.М. Комментарии. Оросиякоку суймудан (Сны о России). С. 106.

Сведений о дальнейшей судьбе Исокити установить не удалось. Известно только, что существует небольшая рукопись «Хе:рю: сики» (Рассказанное моряком Исокити) с записью рассказа в 1795 г.

Еще одним источником информации о России стали моряки с корабля «Вакамия-мару», вышедшего в декабре 1793 г. из провинции Муцу на севере Японии в направлении Эдо с грузом риса. Корабль попал в шторм и 180 дней дрейфовал в океане. В июне 1794 г. судно прибило к берегу одного из Алеутских островов, откуда выжившие моряки попали сначала в Охотск, а затем в Иркутск, а оттуда в Санкт-Петербург, где их принял император Александр I, предложивший японцам вернуться на родину. Эта идея была связана с решением отправить в Японию русское посольство. Четверо японцев согласились, а остальные, принявшие крещение, остались в России. Японцы стали участниками кругосветной экспедиции Крузенштерна в 1803–1806 гг., доставившей в Японию посольство Николая Резанова (1764–1807). После долгого ожидания на рейде Нагасаки японцы вернулись на родину. В 1807 г. на основании их показаний была подготовлена рукопись «Канкай ибун» (Удивительные сведения об окружающих морях). В 16 тетрадях содержалась история моряков, попавших в Россию, описание городов, быта русских, а также впечатления, полученные во время кругосветного плавания. Профессиональные японские художники сделали точные иллюстрации. На портрете посла Н. Резанова описана ткань, из которой сшит мундир, подробно разъяснены все детали костюма. Во время кругосветного путешествия из Кронштадта в Нагасаки возвращавшиеся на родину японцы составили карты мест, через которые плыли, и сделали зарисовки местности и населяющих ее людей [Горегляд, 1959: 34.]

В отличие от России, где было издано множество книг о Японии, в основном пересказывавших уже написанное европейскими путешественниками и сотрудниками фактории на Дэсиме, японцы не публиковали результаты показаний вернувшихся моряков и засекретили их. Это объяснялось не только изоляционистской политикой сёгуната, но и историей контактов с Россией.

Опасения были связаны с возможностью военного столкновения. В июле 1771 г. в Эдо было получено письмо от «барона Аладар фон Бенгоро, армейского военачальника в плену», предупреждавшего японцев о неизбежном нападении русского флота. Послание было написано Морицем Августом Бениовским (1746–1786)¹, о

¹ За сорок лет жизни Бениовский попал пленником в Россию, был сослан на Камчатку, бежал оттуда, побывал в Японии и вернулся в Европу, где принял участие в войне за Баварское наследство. Приехав во Францию, Бениовский познакомился с американским посланником Бенджаминем Франклином (1706–1790) и с «отцом американской кавалерии» генералом Казимиром Пулавским (1745–1779). По их приглашению он отправился в Америку. Однако к приезду в 1783 г. Война за независимость закончилась, и проекты Бениовского по созданию иностранного корпуса не были поддержаны Вашингтоном. Он отправился в Англию, где создал компанию по развитию Мадагаскара. Высадившись на острове в 1785 г., Бениовский и его спутники встретили сопротивление местных племен и столкнулись с военным вмешательством Франции. В мае 1786 г. отряд попал во французскую засаду и Бениовский был убит.

котором большинство авторов пишут как об авантюристе. На самом деле он был храбрым и предприимчивым путешественником, но не всегда удачливым.

Репутация авантюриста появилась в результате этого письма, которое предназначалось директору голландской фактории на Дэсима. Послание было передано японскому чиновнику в Осиме на островах Рюкю. Японист Дональд Кин назвал письмо «первым произведением, посвященным проблемам национальной обороны» [Keen, 1969: 34]. Речь шла о том, что «два русских галиота и один фрегат, выполняя тайный приказ, совершили плавание вокруг берегов Японии и нанесли свои наблюдения на карту при подготовке к нападению на Мацуму (Хоккайдо). С этой целью на одном из Курильских островов, находящемся ближе других к Камчатке, построена крепость и подготовлены снаряды артиллерия и провиантские склады» [Keene, 1969: 34].

Причины написания письма неизвестны. Возможно, автор хотел привлечь к себе внимание. Не исключено, что это была месть российским властям за арест и ссылку. Несмотря на то что послание частично было фантазией Бенионского, оно вызвало большой переполох в Эдо и стало причиной недоброжелательного отношения к России¹.

В 1786 г. географ Хаяси Сихэй (1738–1793), возможно, зная о письме, написал трактат «Кайкоку Хэйдан» (Беседы о военных проблемах морского государства), в котором отмечал уязвимость морских границ Японии и необходимость реформы вооруженных сил. В качестве угроз для безопасности автор рассматривал Китай и Россию, о которой было сказано, что «в последнее время Московия стала самой могущественной страной в Европе. Она захватила отдаленные северные окраины Татарии, недавно завоевала земли Сицзи (район реки Амур и Аргунь), а на востоке дошла даже до Камчатки. Но к востоку от Камчатки больше нет земель, которые можно было бы завоевать, вот почему имеются сведения, что она снова обратила свои взоры на запад и намерена захватить Курильские острова, что к востоку от земли Эдзо (Хоккайдо)» [Хаяси, 2010: 55]. Автор трактата по приказу сёгуната был арестован, обвинен в разглашении секретных сведений и отправлен в ссылку, в которой через год умер. Его вина состояла в том, что он поделился своими рассуждениями о национальной безопасности с сановниками при дворе в Киото, и его точка зрения была воспринята как критика власти. Однако предостережения сыграли роль. Сёгунат задумался об обороне и стал с большей осторожностью относиться к России, тем более для этого через несколько лет появился серьезный повод.

¹ По оценке русского историка Кирилла Черевко сообщение Бенионского о том, что «русские корабли в 1771 г. курсируют вдоль берегов Японии и что в 1772 г. предполагается их нападение на нее и именно для этого на Курилах построена крепость, не соответствовало действительности, но утверждение о постройке русской крепости на Курилах не было совсем беспочвенным». Исследователь ссылается на известного мореплавателя А.И. Чирикова (1703–1748), представившего в 1746 г. в Адмиралтейств-коллегию проект сооружения крепости «как при островах, так и одной жилой земле» на Дальнем Востоке России. В частности, он считал, что на одном из Курильских островов «без препятствия можно крепость построить и служителей пристойное число содержать» [Черевко, 1999: 107].

Мацудайра Саданобу (1759–1829), главный советник сёгуната, несправедливо обошелся с Рином, но был впечатлен его аргументами. Его доводы совпали с прибытием в 1792 г. корабля Лаксмана и полученной информации о существовании русского поселения на острове Уруп, расположенном вблизи от Хоккайдо. Саданобу приказал провести ревизию северных границ Японии и велел всем феодалам, чьи владения граничили с морем, обратить внимание на береговую оборону. Таким образом, XVIII в. закончился для сёгуната на ноте беспокойства по поводу намерений иностранных держав. В начале XIX в. у них появились новые причины для тревоги.

Опасения Японии по поводу русского вторжения усилились в 1806 и 1807 гг. после нападения бригантины «Юнона» и тендера «Авось» на японские поселения на Итуруп и Сахалине. Это произошло, после того как Резанов провел шесть месяцев в заливе Нагасаки, безуспешно ожидая ответа из Эдо на предложение об установлении дипломатических отношений. Переехав на Аляску в 1805 г., бывший посол направил в адрес императора письмо с попыткой заранее оправдать свое решение напасть на японцев: «Я не думаю, чтоб Ваше Императорское Величество, вменили бы мне в преступление, когда, имев теперь достойных сотрудников, каковы гг. Хвостов и Давыдов, с помощью которых, выстроив суда, пушусь на будущий год к берегам японским разорить на Матсмае селение их, вытеснить их с Сахалина и разнести по берегам страх, дабы отнять между тем рыбные промыслы и лишая до 200 000 человек пропитания, тем скорее принудить их к открытию торгового, которому они обязаны будут» [Тихменев, 1863: 195]. Письмо Резанова схоже с посланием Бениовского, но угрозы были воплощены в жизнь.

Высадившись на Итуруп, русские сожгли японский пост, захватили в плен пятерых японцев и увезли 20 мешков риса. На следующий год корабли зашли в залив Анива на Сахалине, сожгли четыре японских судна и захватили их груз. На прощание они высадили 8 из 10 захваченных японцев, отправив с ними письмо губернатору Матсмая. Японцев обвинили в оскорбительном отказе от сотрудничества и предупредили, что «россияне, причинив ныне столь малый вред японской империи, хотели им показать только чрез то, что северные страны оной всегда могут быть вредимы от них, и что дальнейшее упрямство японского правительства может совсем лишит его сих земель» [Полонский, 1871: 192]. Действия русских моряков были третьей попыткой иностранного нападения на Японию после двух неудачных походов Хубилая, внука Чингисхана, в 1274 и 1281 гг.

Несмотря на стремление России доказать, что нападения были личной инициативой Резанова, инцидент еще больше усугубил опасения относительно агрессивных действий со стороны соседей. В 1909 г. российский востоковед Дмитрий Позднеев (1865–1937) писал, что «память о них [нападениях], изгладившаяся в России, живо сохраняется до сего времени в Японии, факт, с которым нам необходимо самым тщательным образом считаться, когда мы рассуждаем о психологии отношений японцев к русским» [Позднеев, 1909: 170]. После инцидента Россия не пыталась установить отношения с Японией до 1853 г.

Формирование образа Японии в России

В 1852 г. писатель И.А. Гончаров, говоря о ходе переговоров с японцами, не слишком высоко оценил их: «Верного вывода сделать нельзя с этим младенческим¹, отсталым, но лукавым народом»². Этот образ долго бытовал в России. Из-за недооценки Японии Россия заплатила высокую цену в 1904–1905 гг.³

Первые упоминания о Японии в России появились в изданном в 1637 г. Атласе фламандца Герарда Меркатора (1512–1594), в котором о Японии говорилось весьма кратко: «Изобилует там золото и жемчуга». Во втором переводе страна все еще изображалась как часть Малой Индии⁴, но именовалась Япань. В двух других списках Космографии Япония обозначена как «Страна Ефиопская издавна бывшая царством славным и многолюдным» и «стоящей в той части Азии в жребии Симова». Кроме того, сказано было, что страна «опустели (отошла) от Индийского царя».

В следующем издании Космографии Япония продолжала располагаться в Индии. «В той же Индии много островов, на которых рождаются араматы сиречь благуханские. Граждане и жители острова, Япан нареченного, суть любовниками истинного или правды искателей, к премудрости и к наукам охотники. Одного государя имеет еще над собою большого и нарицают его Воой (от китайского Ван – государь), которой большую власть в вере и в духовных вещах имеет сицевую (такую) власть того Воои подобна к папе Римскому, княжеская и государственная подобна к цесарю Римского власти».

¹ Сравнение японцев с детьми полностью разрушило высокое и заслуженное реноме американского генерала Дугласа Макартура, управлявшего Японией с конца августа 1945 по апрель 1951 гг. После его отъезда в стране обсуждалась возможность создания Мемориала Макартура и установки памятника в Токийском заливе. Однако в мае 1951 г. на слушаниях в Сенате США Макартур, высоко отзываясь о положительных качествах японцев, заметил, что «по сегодняшним цивилизационным меркам японцы находятся на уровне 12-летнего ребенка по сравнению с американским уровнем в 45 лет». (U.S. Senate, Hearings before the Committee Armed Services and the Committee on Foreign Services. May 1951. Part I. P. 312). Японцы обиделись и больше никогда не возвращались к вопросу об увековечении памяти генерала.

² Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Т. 2. Москва. Гос. изд-во худож. лит. 1953. С. 123.

³ По свидетельству С.Ю. Витте, в резолюциях Николай II никогда не называл японцев иначе как «эти макаки» и был абсолютно уверен, что японская армия будет разбита вдребезги [Витте, 1960: 191–192].

⁴ Согласно библейской традиции, народы мира произошли от сыновей Ноя – Хама, Яфета и Сима. Сыновьями Хама и его потомков были народы Африки, Аравии, Кипра; потомками Яфета – европейцы, народы Кавказа; сыновьями Сима – евреи, арабы, ассирийцы. Средневековая традиция относилась к последним народы Азии, а Японию – к «Симовой малой Индии». Как записано в русском переводе Космографии, «яко пишет Боговидец Моисей в своей книге... Симову часть первого сына положишана восточную и нарекоша именем ея Азия».

Более подробные и правдоподобные данные о Японии Россия получила от Николая Спафария (1636–1708) – первого посла России в Китае в 1675–1678 гг. Его «Описание славного и великого острова Японского, и что при нем обретается» дает емкое и достаточно точное описание географии и истории Японии [Ермакова, 2005]. Спафарий ссылается на то, что «о сем острове Японском, которого описания имеется здесь в России особливая пространнее книжица».

Первым японцем, рассказавшим россиянам о своей стране, был Денбей, которого отпросили в Сибирском приказе в 1702 г. Он учил русский, разговаривая с камчадалами, поэтому его сбивчивый рассказ был не всегда понятен, но нес много новой информации о Японии. «Да он-же, Денбей, сказал: вера-де у них с китайцы одна – поклоняются идолом, которых у них золотых, и серебряных, и медных, и железных, и деревянных многое число, разными образцы. И он, Денбей, описательные книги Японского острова на цесарском языке, в лицах, смотря сказал: городы-де Японского острова Миако (Киото), Осака, Ендо (Эдо), как они стоят в лицах и той книге – написаны сходны. И идолы человеческими и змеинными и зверскими и иными разными воображеньями, которым они поклоняются и вместо богов почитают, и божницы». Был записан рассказ Денбея о голландцах («немцах»¹) в Японии и закрытии страны: «а в иные-де земли они, японцы, не ходят, а в японскую-де землю приходят к ним кораблями немцы, с сукнами и с иными товары, в город Нагасаки, и в том городе многие немцы домами живут, а в иные города Японские земли немец и никого чужеземцев торговать не пушают, а для чего – про то он не ведает» [Попов, 1869: 459, 534].

Значительно больше информации о соседней стране было получено от капитана «Синсё-мару» Кодаю. До прибытия в Санкт-Петербург он около 10 лет провел в России, мог с трудом говорить по-русски, но главное в отличие от большей части своих соотечественников, попавших в Россию, был образован. Обе страны по-разному отнеслись к сведениям друг о друге. Японцы тщательно систематизировали и объединяли знания, полученные из самых различных источников, делая особый упор на сведения вернувшихся из России. В последние годы пребывания в Санкт-Петербурге Кодаю вел светский образ жизни, общался с представителями российской знати. Однако его знакомые видели в нем прежде всего экзотическое существо. Они не смогли или не захотели воспользоваться знаниями о Японии. Если судить по его искренней заинтересованности познать и понять Россию, которую он полюбил, Кодаю мог многое рассказать о своей родине. Рассказы капитана после возвращения в Японию полностью подтверждают характеристику, данную ему французским путешественником Лессепсом, с которым он встретился на Камчатке. «Он обладает большой понятливостью и с завидной быстротой воспринимает любую новость, которую вы хотите ему сообщить. Он очень любопытный и внимательный наблюдатель. Я был уверен, что он ведет подробнейшую запись всего, что видит и что с ним произошло. Его ответы отличаются остроумием, он держит себя

¹ В России собирательное имя для иностранцев долгое время было «немцы» от слова «немой».

естественно и приветливо. Он не отличается ни малейшей скрытностью, напротив, высказывает с предельной откровенностью свое мнение о каждом» [Lesseps, 1790: 212]. Сегодня рассказы Кодаю предстают интересным и доброжелательным взглядом на российскую жизнь XVII в.

В XVIII и XIX вв. в России издавались книги о Японии, но в подавляющем большинстве они были написаны на основе работ европейских авторов. Несмотря на компилятивный характер этой литературы, она давала читателям достаточно объемное представление о стране. Основой для книг служили работы таких европейских авторов, как француз Франсуа Карон и голландец Исаак Титцинг, немцы Энгельберт Кемпфер и Франц Зибольд, швед Карл Тунберг. Некоторые из них многие годы жили в Японии и все в силу своих обязанностей в голландской фактории Дэсима совершали путешествия через всю страну из Нагасаки в столицу Эдо.

Книга Э. Кемпфера «История Японии» впервые появилась на голландском языке в 1712 г. и вышла в Лондоне в 1727 г. В России ее изложение было издано в 1733, 1788 и 1789 гг. профессором Московского университета Иваном Рейхелем. В первом издании он был указан как автор сочинения, но во втором имя Рейхеля исчезло с обложки. В предисловии ко второму изданию Рейхель писал, что «в сей краткой Японского государства истории, мы никакому писателю слепо не следовали. Мы испытывали, избирали, и по ненависти или мщению писанное, старательно от справедливого и беспристрастного различали» [Рейхель, 1788: 10].

В 1734 г. архивариус и помощник библиотекаря Академии наук Андрей Богданов вместе с японским помощником перевел и издал «Описание Японии с историей гонения на христиан японских» и составил «Граматику, разговоры и краткий словарь японского языка». В том же году в Санкт-Петербурге была напечатана изданная десятью годами раньше в Париже книга Тавернье «Описание о Японе, содержащее в себе три части, то-есть: известие о Японе и о вине гонения на христиан; историю о гонении христиан в Японе и последование странствования Генриха Гагенфа, которое исправною ландкартою и изрядными фигурами украшено». О японцах в книге говорилось, что «оных народ, так свиреп и мстителен, что за малую досаду, ежели они не могут того часа отмстити, распарывают чревес своих».

В «Новейшей всеобщей географии, содержащей пространное сведение о четырех частях света, с присовокуплением обозрения Российской Империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии» 1793 г., Япония представлена как страна, где «дворянство весьма честолюбиво, а в одежде и обычаях с китайцами немало сходствует. Народ отменно трудолюбив, и можно сказать, что во всей империи царствуют тишина и порядок. Японцы никогда не ведут войны, ибо о завоеваниях не помышляют, а подводные камни, которыми окружены их острова, и безпрестанно около них волнующееся море охраняют их от нападения иностранцев, однако же сие не приводит их в ленности войско всегда состоит в великом числе и в хорошем устройстве»¹.

¹ Новейшая всеобщая география, содержащая в себе пространное сведение о четырех частях света, с присовокуплением обозрения Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии, с приложением к оному генеральной карты Российской империи,

В изданной в 1763 г. «на кошт книгосодержателя Вевера» «Дорожной географии, содержащей описание о всех в свете государствах, о их качестве, климате, нравах или обычаях, их жителях, столичных городах, расстояния их от Парижа, и о ведущих к сему городу дорогах как морем, так и сухим путем» француза Жана д'Экспийи (1719–1793) говорилось, что японцы «посредственного роста, черноваты, платье носят богатое, разумны, верны и проворны. Любят художества и науки. Говорят об них, что они спесивы, нечестивы и любящие притвор. Японский язык собственной сему государству» [д'Экспийи, 1788: 168].

В 1835 г. опубликована книга Николая Горлова «История Японии, или Япония в настоящем виде». Несмотря на попытки уличить Кемпфера в неточностях в названиях городов и губерний страны, автор следовал тексту предшественника. Его вывод, что Япония «сие государство слабый состав имеет, при всем своем от натурой данным богатстве», что заставляет ее «стараться всемерно быть в безизвестности от европейцев, а из этого следует, что с сим государством должно иметь сношения требовательные и настойчивые», не слишком отвечал реалиям русских контактов с Японией [Горлов, 1835: VII].

Наиболее значительную роль в знакомстве российских читателей с Японией сыграл капитан-лейтенант Василий Головнин. В 1807 г. из Кронштадта в кругосветное плавание отправился шлюп «Диана» под его командованием. На Камчатку Головнин прибыл только в 1809 г., проведя больше года в английском плену¹. В апреле 1811 г. он получил приказ сделать описание Курильских островов. В июле шлюп встал на якорь у южной оконечности острова Кунашир. После того как Головнин вместе с двумя офицерами, четырьмя матросами и переводчиком вышли на берег острова Итуруп, они были арестованы и посажены в тюрьму, где провели семь недель. Затем их перевезли на Хоккайдо. Попытка бежать и захватить японское судно не удалась. «Диана» под командованием лейтенанта Рикорда ушла в Охотск для доклада и организации освобождения пленников. Сделать это удалось только в октябре 1813 г. В 1816 г. опубликованы «Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах» – первая русская книга о Японии, написанная очевидцем. Несмотря на то что Головнин попал в страну пленником, он сумел объективно описать не только тяготы пребывания, но и впечатления о Японии и японцах.

Капитан Головнин, безвинно проведенный в японском плену 2 года 2 месяца и 26 дней, сумел увидеть в японцах равных себе людей. Он стал первым русским, подробно и объективно описавшим страну и жителей. Его записки позволили взглянуть на японцев не сверху вниз, как это было принято в других странах, а как на равных. По словам Головина, «попечение японского правительства о благе общем

изображений гербов наместнических городов и мундиров. Издание новое. Во граде святого Петра. Тип. Сытина. 1793. С. 179.

¹ С 1807 по 1812 г. Россия после заключения Тильзитского мира с Наполеоном находилась в состоянии войны с Британией.

и о частных пользах своего народа весьма похвально и вероятно будет не последней из причин, могущих уверить наших европейских пристрастных, но впрочем строгих судей, что уже пора им исключить японцев из числа варваров». В пользу этого вывода прежде всего говорил уровень грамотности японцев. «Что касается до народного просвещения в Японии, то сравнивая массою один целый народ с другим, по моему мнению, японцы суть самый просвещенный народ во всей подсолнечной. В Японии нет человека, не умеющего читать и писать, и не знающего законов своего отечества. Потому-то они удивлялись, каким образом из четырех человек наших матросов ни один не умеет читать¹» [Головнин, 1816: 95].

Японцы относились к Головнину вполне корректно, а церемония освобождения из плена вылилась в демонстрацию взаимных дружеских чувств. В опубликованном в 1815 г. в журнале «Сын отечества» дневнике Рикорда сказано, что «заключение связи с Японией при дальнейших стараниях правительства тамошних стран, со временем будет утверждена и принесет обоим государствам, России и Японии, несметные блага, приобретаемые торговлею и мирными сношениями смежных народов». Однако это предвидение не сбылось: после экспедиции Головнина Россия практически не имела контактов с Японией до описанного И.А. Гончаровым появления в бухте Нагасаки фрегата «Паллада» 21 августа 1853 г. 8 июля, за полтора месяца до этого, в бухте Эдо появились американские корабли под командованием коммодора Перри, заставившие японцев открыть страну для иностранцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Витте С.Ю. (1960) *Воспоминания*. Т. 2. Издательство социально-экономической литературы, Москва. 306 с.

Головнин В.М. (1816) *Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах*. Морская типография, Санкт-Петербург.

Горегляд В. (1959) «Удивительные сведения об окружающих морях» – японская рукопись начала XIX в. *Страны и народы Востока. Вып. 1. География, этнография, история*. Под ред. В.В. Струве. Издательство восточной литературы, Москва. С. 213–228.

Горлов Н. (1835) *История Японии, или Япония в настоящем виде*. Типография М. Пономарева, Москва. 138 с.

Д'Экспийи Ж.Ж. (1788) *Дорожная география, содержащая описание о всех в свете государствах*. Москва. 423 с.

Ермакова Л.М. (2005) *Вести о Япан-острове в стародавней России и другое*. Языки славянской культуры, Москва. 269 с.

¹ Начиная с XVII в. в Японии школьное образование стало доступным для всех, что сделало уровень грамотности в стране одним из самых высоких в мире. В России, по оценке русского писателя и публициста Н.Г. Чернышевского, грамотным было менее 6% населения. По его словам, написанным в 1859 г., «в России до отмены крепостного права 23 миллиона крестьян из 70 миллионов населения российской империи не имели доступа к образованию. Едва ли мы ошибемся, положив число грамотных людей в России не превышающим 4 миллионов». Чернышевский Н.Г. Суеверия и правила логики. Сочинения. Т. 1. Москва. Мысль. 1986. С. 745.

- Новаковский С.И. (1918) *Япония и Россия*. Ч. I. Токио, Япония. 210 с.
- Позднеев Д.М. (1909) *Материалы по истории Северной Японии и её отношений к материку Азии и России*. Типография Ж. Люк, Иокагама, Япония. 521 с.
- Поло М. (2015) *Книга о разнообразии мира*. ОЛМА Медиа групп, Москва. 304 с.
- Полонский А.С. (1871) *Курилы*. Типография Майкова, Санкт-Петербург. 208 с.
- Попов А. (1869) *Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции*. Тип. А. И. Мамонтова и К°, Москва. 541 с.
- Рейхель И. (1788) *История о японском государстве, из достоверных известий собранная Иваном Рейхелем*. Москва. 239 с.
- Рикорд Н. (1816) *Записки флота капитана Рикорда о плавании его к берегам Японии в 1812 и 1813 годах*, Морская типография, Санкт-Петербург. 140 с.
- Тихменев Л. (1863) *Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия ее до настоящего времени*. Ч. II. Типография Эдуарда Веймара, Санкт-Петербург. 386 с.
- Хаяси С. (2010) «Кайкоку хэйдан» («Военные беседы о морском государстве»). Предисловие. *Письменные Памятники Востока*. № 1. С. 52–58.
- Черевко К.Е. (1999) *Зарождение русско-японских отношений XVII–XIX века*, Наука, Москва, 256 с.
- Keene D. (1969) *The Japanese Discovery of Europe, 1720–1830*. Stanford University Press, Stanford, USA. 272 p.
- Lesseps J.J.R. de (1790) *Travels in Kamchatka*. P. 1. London. 305 p.

Russia and Japan: Shaping Images

M.G. Nosov

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: mikhailnosov@mail.ru

Abstract. Until 1853, when the decision was made to “open” the country, relations between Russia and Japan, or rather their absence, were determined primarily by Japanese policy, which closed the country to foreigners, making an exception for the Dutch and Chinese. An important role in these relations was also played by the perception of each other, formed under conditions of Japanese opposition to the Russian desire to establish trade relations with the neighboring country. In Russia there were several sources of knowledge about it (first of all, from European and Chinese). With few exceptions, information from the Japanese, who came to Russia because of shipwreck in the 17th century, was of little interest. The vast majority of the Japanese were sailors or fishermen and their knowledge of the country was not extensive. In addition, despite the efforts of Peter the Great to prepare translators from Japanese, their level of knowledge did not always meet the necessary standards. As an exception can be considered the information about Japan received from Daikoku Kodayu during

his stay in Russia from 1787 to 1791. However, unlike in Japan, where knowledge about Russia was carefully collected and documented, what Kodayu told about his country did not become a source of systematised study of the neighboring country. Japan received knowledge about Russia from the Chinese, Portuguese and Dutch, as well as from some Japanese. Among them, first of all, it is necessary to note Kodayu, who told in detail to Shogun Ienari and his advisers about Russia. All this information was systematised and classified for many years.

Key words: Russia, Japan, Sakhalin, Kuril Islands, Mutual representations

DOI: 10.31857/S0201708324010133

REFERENCES

Cherevko K.E. (1999) *Zarozhdenie russko-yaponskikh otnoshenij XVII–XIX veka* [The Origin of Russian-Japanese relations of the XVII–XIX century], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian).

D’Ekspiji Zh.Zh. (1788) *Dorozhnaya geografiya, sodержashchaya opisaniye o vsekh v svete gosudarstv* [A road geography containing a description of all the states in the world], Moscow, Russia. (In Russian).

Ermakova L.M. (2005) *Vesti o Yapan-ostrove v starodavnej Rossii i drugoe* [News about Yapan Island in ancient Russia and more], Yazyki slavyanskoj kul’tury, Moscow, Russia. (In Russian).

Golovnin V.M. (1816) *Zapiski flota kapitana Golovnina o priklyucheniyah ego v plenu u yaponcev v 1811, 1812 i 1813 godah* [Notes of the fleet of Captain Golovnin about his adventures in captivity by the Japanese in 1811, 1812 and 1813], Morskaya tipografiya. Sankt-Petersburg, Russia. (In Russian).

Goreglyad V. (1958) “*Udivitel’nye svedeniya ob okruzhayushchih moryah*” – yaponskaya rukopis’ nachala XIX v. [“Amazing information about the surrounding seas” – Japanese manuscript from the early 19th century], in Struve V.V. (ed.) *Strany i narody Vostoka. Issue 1. Geografiya, etnografiya, istoriya*, Izdatel’stvo vostochnoi literatury, Moscow, Russia, pp. 213–228.

Gorlov N (1835) *Istoriya Yaponii, ili Yaponiya v nastoyashchem vide* [The History of Japan, or Japan in its present form]. Tipografiya M. Ponomareva, Moscow, Russia. (In Russian).

Hayasi S. (2010) “Kajjokoku Hejdan” (“Voennye besedy o morskome gosudarstve”) [“Kaikoku Nezhdan” (“Military conversations about a maritime state”)], *Pis’mennye Pamyatniki Vostoka*, 1, pp. 52–58. (In Russian).

Keene D. (1969) *The Japanese Discovery of Europe, 1720–1830*, Stanford University Press, Stanford, USA.

Lesseps J.J.R. de (1790) *Travels in Kamchatka*, 1, London, UK.

Novakovskij S.I. (1918) *Yaponiya i Rossiya* [Japan and Russia], I, Tokio, Japan.

Polo M. (2015) *Kniga o raznoobrazii mira* [A book about the diversity of the world], OLMA Media grupp, Moscow, Russia. (In Russian).

Polonskij A.S. (1871) *Kurily* [Kuril Islands], Tipografiya Majkova, Sankt-Petersburg, Russia. (In Russian).

Popov A. (1869) *Izbornik slavyanskih i russkih sochinenij i statej, vnesennyh v hronografy russkoj redakcii* [Is a collection of Slavic and Russian works and articles included in the chronographs of the Russian edition], Tip. A. I. Mamontova i K^o, Moscow, Russia. (In Russian).

Pozdneev D.M. (1909) *Materialy po istorii Severnoj Yaponii i eyo otnoshenij k materiku Azii i Rossii* [Materials on the history of Northern Japan and its relations to the mainland of Asia and Russia], Tipografiya Zh. Lyuk, Iokagama, Japan.

Rejhel' I. (1788) *Istoriya o yaponskom gosudarstve, iz dostovernyh izvestij sobrannaya Ivanom Rejhelem* [The story of the Japanese state, collected from reliable news by Ivan Reichel], Moscow, Russia. (In Russian).

Rikord N. (1816) *Zapiski flota kapitana Rikorda o plavanii ego k beregam Yaponii v 1812 i 1813 godah* [Notes of Captain Ricord's fleet on his voyage to the shores of Japan in 1812 and 1813], Morskaya tipografiya, Sankt-Petersburg, Russia. (In Russian).

Tihmenev L. (1861) *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossijsko-Amerikanskoj kompanii i dejstviya ee do nastoyashchego vremeni* [Historical review of the formation of the Russian-American Company and its actions to the present], 2, Tipografiya Eduarda Veimara, Sankt-Petersburg, Russia. (In Russian).

Vitte S.Yu. (1960) *Vospominaniya* [Memoirs], 2, Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury, Moscow, Russia. (In Russian).
